

БАЛЕТ НАПРЯЖЕННОЙ МЫСЛИ

Беседа с делегатом XVI съезда ВЛКСМ, лауреатом
Ленинской премии Михаилом ЛАВРОВСКИМ

Джованьоли представлял себе Спартака так: «...белокурые волосы и густая борода обрамляли его красивое мужественное лицо с правильными чертами, озаренное светом голубых глаз, полных жизни, чувства, огня. Они придавали его лицу, когда он был спокоен, выражение какой-то печальной доброты».

Я заглянула в книгу не случайно — мне предстоит встреча со Спартаком.

— Сейчас в балете «Спартак» вы танцуете главную роль, но, насколько я знаю, это не первая ваша встреча с балетом Хачатуряна? В 1961 году вы танцевали небольшую партию раба. Хотелось ли вам тогда попробовать себя в роли Спартака?

...За дверью сказали: «Это я!». И в комнату вошел Михаил Лавровский. В блестящих черных глазах смешанное выражение внимания, иронии, вежливости, но никак не печальной доброты. Единым, плавным, стремительным движением он перекинул себя на середину комнаты и предложил: «Начнем?»

В Михаиле Лавровском (он же Спартак, он же Вацлав, он же Филипп и Альберт) внешне ничто не выдает танцора.

— Нет, совершенно не хотел. Спартак по прежней трактовке был тяжел, мускулист и монументален. Некая ожившая, античная статуя. Он больше ступал, чем танцевал. Статичные красавцы мощных форм не по мне. И потом идея балета раство-

рялась в массе мелких дивертисментных номеров.

— Вы против дивертисмента?

— Не то что против, но в дивертисменте есть нечто развлекательное, а мне это чуждо. Изящество, легкость, галантность безусловно имеют свое право на существование. Они радуют глаз. Создают хорошее настроение. И все-таки мой балет иной — балет обобщенный, страстей, напряженной мысли.

— Толстой когда-то говорил о том, что действительность искусства основана на том, что человек, воспринимая слухом или зрением выражение чувств другого человека, способен испытывать те же самые чувства. Что бы вы хотели, чтобы зрители увидели и почувствовали в вашем Спартаке?

— Исповедь человека-борца против гнета, бунтаря и мятежника.

Причем он может быть слабым, мятущимся, невысказанные проклятия могут разрывать его душу. Иногда мне кажется, что бунвально с самого начала Спартак знает, что ожидает его впереди. И все же каждому движением, каждой минутой своей жизни он поднимается над трагической обреченностью.

— Итак, вечный боец. А в традиционных «голубых» ролях?

— Да, лирические герои, кавалерственно поддерживающие своих партнеров и безропотно падающие под ударами судьбы, у меня просто не получаются. Беспомощность — это ужасно. И по возможности я от этих ролей отказываюсь. Знаете, какой спор у нас был с отцом из-за Альберта в «Жизели»? И отец помог мне увидеть героя по-другому. Если представить, что освобождение Альберта — это прежде всего осво-

ждение от себя, от прежнего, не злого, но легкомысленного и беспечного юноши, походя губящего чужую нежную жизнь? И тогда отчаяние Альберта тоже будет глубже, тоньше, одухотвореннее. Его страдание и боль не столько от того, что он не может вырваться из хоррода виллис, но потому, что он никогда не соединится с прелестной девушкой, которую он действительно любит. Теперь Альберт — моя любимая роль.

— А как вы считаете, может ли артист в рамках определенного режиссерского построения спектакля давать свою трактовку характера героя?

— Только в том случае, если это не нарушает идею и целостность постановки и соответствует идейно-художественным взглядам балетмейстера. Например, танцуя «Спартак», я стремился воплотить глубокую мысль, за-

ложенную постановщиком Юрием Григоровичем.

— Ваши герои часто испытывают на сцене боль и страдание...

— Да, но эти чувства непременно ведут к концентрации воли, активности. Жизнь, как бы она мучительна ни была, уже счастье, мне так кажется.

— Но все же счастье — чувство светлое. Не так ли? Вам не хотелось бы от души порадоваться на сцене?

— Только не той радостью, когда все тихо, безоблачно, спокойно. Скорее бы тут подошло слово торжество. Здесь уже есть какой-то элемент преодоления.

— И в ком бы для вас могли воплотиться торжествующая радость и внутреннее напряжение?

— Наверное, в Тиле Уленшпигеле, свободном духе Фландрии.

Е. БОРИСОГЛЕБСКАЯ.